

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Яркое солнце, благоухание цветов, ночная прохлада, горячая предэкзаменационная пора, пора волнений, ожиданий, надежд — в разгаре был благословенный май. Для полковника Льва Гурова это особый месяц. Несмотря на то что все его экзамены остались в далеком прошлом, а основные жизненные планы и надежды благополучно сбылись (или не сбылись), май Гуровым всегда воспринимался как пора обновления, наступления новой жизни. Так, по крайней мере, ему казалось. Хотя, в строгом смысле, жизненные вехи полковника оставались прежними. Он так же трудился в Главном управлении МВД в должности опера по особо важным делам, так же жил в своем доме вместе с женой Марией, так же дружил с полковником Станиславом Крячко, своим давним коллегой, тоже опером-важником, с которым они делили один кабинет

на двоих на Петровке, так же расследовал преступления... И все же, все же! Нечто не-уловимое витало в воздухе, заставляя заново переживать ощущения весны, заново окунаться в юность, которая, увы, уже давно отгуляла положенный ей срок.

Словом, в мае Гуров оживал, расцветал и будто бы впрямь становился моложе. Станислав Крячко, кстати, тоже любил этот месяц, но с практической стороны: он готовился к летнему сезону рыбалки и футбольному чемпионату, Мира или Евро, которые сменяли друг друга с постоянной регулярностью в два года.

Однако в этот день настроение Крячко совсем не соответствовало гуровскому. Это Лев понял, едва Станислав появился в их общем кабинете. Начать с того, что он не поздоровался с Гуровым, сразу же протопал к окну и с треском распахнул его. В помещение ворвался теплый воздух, несколько не добавивший прохлады. Крячко, оценив это, хмыкнул, однако закрывать окно не стал, а направился к своему столу и уселся за него с крайне недовольным видом, принявшись раскачиваться в кресле и обмахиваться сложенной вдвое газетой «Спорт-экспресс», только что приобретенной в газетном киоске.

Май, нужно заметить, подходя к концу, решил оторваться по полной. Он благополучно наплевал на среднестатистическую температурную норму и существенно превысил ее. Уже третий день в столице шпарило солнце, ни ветерка, ни малейшего намека на дождь, было по-летнему жарко.

Станислав Крячко жару ненавидел. Правда, такие же чувства вызывали у него и февральские морозы, и ноябрьская холодная морось. Словом, погодные условия редко соответствовали желаниям Станислава, и сейчас явно был не тот случай.

Однако Гуров, слишком хорошо знавший своего друга, был уверен, что недовольство Крячко вызвано не столько жарой, сколько некими иными обстоятельствами, пока ему неизвестными. Опять же, зная Крячко много лет, Лев не спешил с расспросами, понимая, что Стас вскоре сам не выдержит и выложит истинные причины своего дурного настроения.

И действительно, повозившись в кресле, Крячко случайно уронил газету, поднимая ее, чертыхнулся, отшвырнул подальше и с вызовом заявил:

— Нет, это как называется, а? Есть на свете справедливость или нет?

Гуров предпочел не отвечать, поскольку отнес вопрос к разряду чисто риторических. К тому же ему и самому из-за жары лень было заниматься расспросами. А Станислав уже завелся. Он вскочил с кресла, захлопнул окно и, остановившись в центре кабинета, патетически вознес руки, воскликнув при этом:

— Никакой благодарности! Никакой! В то время как родной отец, можно сказать, жизнь свою положил на их благо!

Гуров слегка усмехнулся, поняв, что проблемы Крячко вызваны разногласиями с детьми, точнее, со старшим сыном. Разногласия эти, по убеждению Гурова, были вполне закономерными, несерьезными и не вносящими никакого разлада в отцовско-сыновние отношения. Все обычно: два поколения, отцы и дети, с разными взглядами на жизнь. Но Крячко придерживался иного мнения, постоянно подозревая, что сын его не ценит, не уважает и даже сознательно провоцирует на конфликт.

Сын же его, по-доброму подсмеиваясь над отцом, был вполне нормальным парнем, студентом второго курса МГУ, очень неплохо разбирался в компьютерных программах и не был замечен ни в злоупотреблении спиртным, ни в пристрастии в нарко-

тикам, ни, упаси бог, к криминалу. И все равно Стас умудрялся порой разругаться с ним в пух и прах, причем потом сам же признавал свою вину и приставал к Гурову с просьбой дать совет, как теперь помириться с сыном, чтобы и дружбу с ним не потерять, и родительское лицо сохранить. Что характерно — у самого Гурова детей не было.

Вот и сейчас Лев приготовился выслушивать долгие гневные тирады Крячко в адрес «неблагодарного балбеса», однако выяснилось, что нынешние претензии Станислава направлены вовсе не на сына, а на старшеклассницу-дочь, которую Крячко не просто любил, а обожал.

Гуров вспомнил события двадцатилетней давности, когда жена Крячко, Наталья, лежала в роддоме, а Станислав был как на иголках, ожидая рождения сына, и без конца отпрашивался у начальства съездить в роддом. Он был убежден в том, что у него родится сын, и оповестил об этом весь отдел. А когда Наталья действительно произвела на свет богатыря весом в четыре с лишним килограмма, ошалевший от счастья Крячко носился по отделу, орал и три дня на радостях поил всех сотрудников, пока начальник Главка Петр Николаевич Орлов не прекра-

тил это безобразие. Словом, Крячко был безмерно горд и бесстыдно бахвалился тем, что «только у настоящих мужиков рождаются сыновья!», с легким презрением посматривая на коллег, у которых были девочки.

Прошло три года, и Наталья снова оказалась в том же роддоме, а Станислав точно так же ерзал и нервничал, гордо бил себя в грудь, уверяя, что скоро станет отцом уже двоих сыновей, но... родилась девочка. Впервые взяв ее в руки, Станислав аж прослезился и кардинально поменял свое мнение о том, кто должен рождаться у настоящих мужиков. Теперь он был буквально больной от счастья, дочь свою постоянно таскал на руках, вскакивал к ней по ночам при малейшем писке, не доверял жене самостоятельно купать ее, даже ревновал, когда та кормила ребенка грудью, и уже не вспоминал о том, как хотел второго сына.

Дочка росла славной девочкой, не доставлявшей родителям особых хлопот. Справедливости ради стоит отметить, что дети у Крячко оба получились удачные, и сына Станислав любил, конечно, ничуть не меньше, просто стеснялся проявлять открыто свои нежные чувства, считая, что мальчику это не на пользу. Зато дочь откровенно баловал, и Гуров не мог припомнить, что-

бы между ними возникали какие-то ссоры. А теперь Станислав вдруг принялся жаловаться, что дочь его «ни в грош не ставит!».

В кабинете у сыщиков было очень душно. Гуров с напряженным видом потихоньку попивал минералку и слушал душераздирающие жалобы недовольного, красного от жары Крячко на свою дочь.

— Лева, она мне хамит, хамит, понимаешь? — втолковывал он Гурову с таким неподдельным изумлением, словно даже в страшном сне не мог допустить ничего подобного.

— Как хамит-то? — лениво отозвался Гуров.

— «Отстань, пап!» Нет, ты представляешь, Лева? Отстань, пап! Это родному отцу!

— И что такого? Чего ты раскудахтался? Это такое уж хамство, по-твоему?

— Лева, ты сам понимаешь, что говоришь? — выпучив глаза, воскликнул Станислав. — Нет, не понимаешь! Это же только цветочки! Сегодня, значит, «пап, отстань», а завтра «пошел ты на фиг, старый козел!».

— Ну ты не передергивай, — остановил его Гуров. — Что произошло-то? Из-за чего она так?

Повод, как выяснилось, был ничтожным. Собственно, иного Лев и не ожидал.

— Да она, понимаешь, к подружке отпросилась на день рождения! С ночевкой, представляешь? И главное, Наташка отпустила! Ну не дура, а?

— И что такого? — пожал плечами Лев.

— Как что, как что? — Крячко в волнении принялся нарезать круги по кабинету. — Какие ночевки, ей к экзаменам готовиться надо! Она в последний класс переходит!

— Что ж ей теперь, к подругам на дни рождения не ходить? Слушай, а мальчики там будут?

Этот вопрос вызвал новый поток бурного волнения Крячко.

— Она не сказала толком, но я что, дурак, что ли? Конечно, будут! Куда же от них деваться? Вот она и рвется туда, вместо того чтобы за учебниками сидеть! Короче, я ей категорически запретил! Ка-те-го-ри-чес-ки! А она мне — отстань, пап!

— Ну ты уж как-то слишком, Стас! Категорически! Мог бы быть и добрее к ней.

— А я к ней не добр? — Крячко аж задохнулся от такого замечания. — Я же все для нее делаю, всю жизнь для нее стараюсь! Из кожи вон лез всегда, только чтобы ей хорошо было! А теперь я для нее уже никто, даже мать больше слушает, чем меня, представляешь? — с горечью проговорил он.

В его словах была большая доля истины. Все детство у доченьки было «в шоколаде», Стас и в садик лучший ее отправил, и в лицей с углубленным изучением предметов, а уж куклами и прочими игрушками весь дом был завален. Это при том, что Станислав, вообще-то, был довольно прижимист, мог много лет ходить в одной и той же видавшей виды куртке, носить простые свитера, связанные тещей, ботинки покупал на дешевом рынке, визит в парикмахерскую оттягивал до крайнего момента, а в последние годы его вообще стригла жена.

Но люди, хорошо знавшие Крячко, давно убедились, что экономит Станислав исключительно на себе. Равнодушный к собственному внешнему виду, всяким «тряпкам-шляпкам», как Стас презрительно называл предметы гардероба, он был очень даже щедр по отношению к семье. На что точно не жалел денег, так это на своих детей.

А сейчас девочке исполнилось уже шестнадцать лет, через год она оканчивает школу. Начинается ее взрослая жизнь, в которой родителям будет оставаться все меньше и меньше места. И Крячко как безмерно любящий отец никак не мог с этим смириться, в этом и была причина всех его переживаний. Он старался хоть как-то удержать, про-

длить ее детство, ведь она для него была все той же маленькой девочкой, а не взрослой девушкой.

— Вчера она вообще домой пришла в два часа ночи, — продолжал Стас выплескивать свои страдания. — И вот как ей объяснить, что порядочные девушки ночуют дома и ночами не шляются? А если бы случилось что? Представляешь, что с ней могло случиться? Представляешь? — с нажимом повторил он, нависая над Гуровым.

— Представляю. Но ничего же не случилось. Что ж теперь, вообще ее из дома не выпускать?

— Мог бы — не выпускал бы! — признался Крячко. — И кстати, куда больше пользы бы было! Сидела бы и книжки читала.

— А ты сам-то давно книгу в руки брал?

— Недавно! — рявкнул Стас и в доказательство бухнул на стол пухлый потрепанный том Уголовного кодекса, который выхватил из ящика стола. Затем немного успокоился — правда, ненадолго, — и продолжил: — Все равно я считаю, что такое отношение к родителям недопустимо! Будет жить одна — будет делать все, что захочет! Пока живет со мной — должна жить по моим правилам.

— Ох, Стас, Стас! — со вздохом покачал головой Гуров. — Перегибаешь ты палку. А проще говоря, с ума сходишь на старости лет.

Крячко помолчал с полминуты, потом выдал:

— Да потому, что я люблю ее. И беспокоюсь. Вдруг она в плохую компанию попадет? Что мне нужно будет делать? И как сделать, чтобы не попала?

— Не беспокойся, — засмеялся Лев, — с таким отцом, как ты, с тем воспитанием, что ты ей дал, в плохую компанию она точно не попадет. Она же у тебя умная.

По лицу Стаса тут же расплзлась умильная улыбка.

— Это точно, Лева! Умная, красивая, просто золотая девочка! И вот как представляю, что найдется какой-то, кто на это золото... Да я его... Собственными руками! — Он сжал здоровенные кулаки, но, поймав выразительный взгляд Гурова, опустил руки и со вздохом проговорил: — Да ладно, я все понимаю, Лева. Наверное, ты прав. Я сделал все, чтобы она понимала, что есть что. Спасибо тебе, друг, за поддержку!

Весь красный от жары, Крячко налил стакан воды и махом осушил его. В кабинете повисло молчание. Выплеснув все